

Document Citation

Title	Land of promise
Author(s)	Boleslaw Michalek
Source	<i>Film Polski</i>
Date	
Type	distributor materials
Language	French English Russian
Pagination	
No. of Pages	6
Subjects	
Film Subjects	Ziemia obiecana (The promised land), Wajda, Andrzej, 1974

FILM POLSKI presents the film

land

of

promise

FILM POLSKI
Export and Import of Films
6/8 Mazowiecka, 00048 Warsaw, Poland
Drukarnia Wydawnicza w Krakowie

WARNING: This material may be protected by copyright law (Title 17 U.S. Code)

ФИЛЬМ ПОЛЬСКИ
представляет фильм Анджея Вайды
„ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ”

Сценарий по повести
Владислава Станислава
Реймонта
Режиссер
— Анджей Вайда
Съёмки
— Витольд Собоциньски,
Эдвард Клосиньски,
Вацлав Дыбовски
Музыка
— Войцех Киляр
Сценическое оформление:
Тадруш Косаревиц
Директор производства:
Барбара Пэц-Слесicka
Производство
ПРФ „Фильмовые объединения”
Объединение „Х”
Социальная драма.
Цветная. 35 мм. 4896 м.
2 часа 58 мин.

Исполнители:
Кароль Боровецки
— Даниель Ольбрыхски
Морыц Вэльт
— Войцех Пшоняк
Макс Баум
— Анджей Сэвэрын
Анка
— Анна Негребецка
Отец Кароля
— Тадруш Бялюциньски
Мада Мюллер
— Божэна Дыкель
Бухольц
— Анджей Шалаявски
и другие

FILM POLSKI presents
the film by Andrzej Wajda
LAND OF PROMISE
Ziemia obiecana

Screenplay after the novel
by Władysław Reymont
Andrzej Wajda
Photography
Witold Sobociński
Edward Kłosiński
Wacław Dybowski
Art Director
Tadeusz Kosarewicz
Music by
Wojciech Kilar
Production Managers
Barbara Pec-Ślesicka
Janina Krassowska
Eastmancolor, 35 mm,
Produced by
the Polish Corporation
for Film Production,
„X” Film Unit.
The Cast:
Karol Borowiecki
Daniel Olbrychski
Moryc Welt
Wojciech Pszoniak
Maks Baum
Andrzej Seweryn
Anka
Anna Nehrebecka
Karol's father
Tadeusz Białoszczyński
Mada Müller
Bożena Dykiel
Müller
Franciszek Pieczka
Mrs. Müller
Danuta Wodyńska
Wilhelm Müller
Maria Glinka
Bucholc
Andrzej Szalawski
Mrs. Bucholc
Jadwiga Andrzejewska
Lucy
Kalina Jędrusik
Her husband
Jerzy Nowak

Владислав Станислав Реймонт (1868—1925) является известным, а вместе с тем, неизвестным писателем. Он известен с тех пор, как пятьдесят лет тому назад получил Нобелевскую премию за крестьянскую эпопею „Хлопи” „Мужики” и был поставлен наряду со скандинавскими и русскими писателями.

Драма природы, философия земли, поэтическая запись трудного, но своеобразного крестьянского существования, уловление его ритма в постоянном изменении времён года, рождения и смерти — вот с чем всегда отождествляли писателя и его многообразную прозу. Но существует еще Реймонт неизвестный, или менее известный: писатель, который в последнем десятилетии XIX века, еще перед созданием своего монументального крестьянского цикла, написал довольно необычайную в польской литературе и до нашего времени противоречивую повесть „Земля обетованная” (1897—98). Её темой была Лодзь, город который в XIX веке переживал пору бурного развития, пору великоления и безумия: город, в котором вдруг наступила вспышка новой, промышленной цивилизации, где формировались со всей жестокостью, с огромным драматизмом новые законы капиталистического мира, точка, в которой пересекались многочисленные нити польской социальной, цивилизаторской и духовной истории, сходились судьбы польских крестьян, обанкротившихся помещиков, международных предпринимателей. Настоящий водоворот кружащийся с громадной быстротой, из которого должна была возникнуть новая социальная и психологическая обстановка, новая черта разделения на пролетариев и капиталистов. Реймонт не был только летописцем этого необыкновенного явления, несмотря на то, что его описание заключает в себе значительную сумму информации о преобразовывающемся мире. Как Бальзак и Золя, как Диккенс и Достоевский, Реймонт представил в „Земле обетованной” судорожное апокалипсическое видение, своеобразную поэму о городе-полине, городе-молохе: представил Лодзь XIX века как царство дьявола. В одном месте Реймонт пишет: „Город затаился во мраке и прильнул к земле как полип всеми щупальцами фабрик, а далёкие (...) электрические солнца стерегли спящего молоха”. Реймонтавская обетованная земля — это земля потрясаемая подземными взрывами, великолепная, но жестокая и зловещая.

Анджей Вайда занялся этим необыкновенным, немного забытым литературным документом, как кажется, не без колебаний. С одной стороны его должно было поразить апокалипсическое представление судорог города, жизни в трансе, острота, дикость характеров людей принимающих участие в этом дьявольском танце, особенно трёх главных героев, людей сильных, беспощадных, идущих напролом, которых непонятным способом соединяет бескорыстная дружба. Его должна была поразить своеобразная картина этого мира: грязь, нищета, страдание во всей своей неприглядности и мишура нуворишей, богатство без стиля, безвкусица, а между одним и другим пустота, бескультуре.

С другой стороны, однако, Анджей Вайда, который исследовал от „Канала”, „Пепла и алмаза” до „Веселя („Свадьбы”) во всех своих фильмах этот феномен „польскости”, как исторический, так и современный — нашёл ли тут материал для проблемы к которой постоянно возвращался, проблеме героизма, лояльности, бунта? Кажется, что Вайда в другом стилистическом ключе, описывая действительность в совсем иных детерминантах, все же делает то, что делал всегда, что в последнее время представил в „Веселе”, театральных постановках „Бесов” Достоевского и „Ноябрьской ночи” Станислава Выспянского: представляет некие Великие, всегда живые системы ценностей — ценностей исторических, социальных, духовных, исследует их как бы в точке кипения.

На этот раз он разбирает систему ценностей, даже всю мифологию, форму и вид, логику и мораль которых определяют деньги.

Болеслав Михалэк

Władysław Stanisław Reymont (1868—1925) is a writer both known and unknown. Known ever since, 50 years ago, he was awarded the Nobel Prize for his epic „The Peasants” and ranged alongside the Scandinavians and Russians. The drama of nature, the philosophy of the land, poetic description of the gruelling, but in its way magnificent, peasant existence, the capturing of its rhythm in the endless cycle of the seasons, birth and death — these are the things with he and his teeming prose have always been identified.

But there is also an unknown — or less known — Reymont: a writer who, in the closing years of the 19th century, preceded the creation of his peasant epic with a novel, „The Promised Land” (1897—98), which is fairly remarkable in Polish literature and to this day attracts controversy. Its subject was Łódź, a town which was swept by a feverish boom in the 19th century, a period of splendour and folly; a town rocketed by the sudden explosion of industrial civilisation, in which the new laws of the capitalist world took shape in all their ruthlessness and drama; a point where many currents of Polish social, material and cultural history all at once intersected, where the destinies of peasants, bankrupt landowners and international businessmen converged; a raging whirlpool out of which would come a new social and psychological fabric and a new line of division: proletariat and capitalists.

Reymont did more than record this extraordinary phenomenon, although his account is richly detailed in its picture of a world in the throes of change. Like Balzac and Zola, Dickens and Dostoevsky, he evoked in „The Promised Land”, an apocalyptic and convulsive vision, a sort of lay of a town turned polyp and moloch, depicting late 19th-century Łódź as a latter-day inferno. „The town”, Reymont writes at one point, „skulked in shadows and polyp-like hugged the earth with all its factory tentacles, while the distant...electric suns stood guard over the sleeping moloch”. Reymont’s promised land is a land shaken by underground upheavals, glittering but cruel and menacing.

Andrzej Wajda was, I daresay, in two minds about making a film of this unusual and slightly forgotten literary document. On the one hand, he must have been arrested by its apocalyptic vision of a city on the boil, of life in a trance, by the sharp edges and savagery of the people caught up in this maelstrom, especially the three protagonists, hard and ruthless men sweeping everything out of their path, but incredibly bound by a disinterested friendship, by the grotesqueness of this world — poverty, squalor, suffering in all its ugliness and nouveau-riche flashiness, vulgar ostentation, tawdry, with in between a void, a cultural desert. On the other hand, would an artist like Wajda who has in all his films, from „Canal” and „Ashes and Diamonds” to „The Wedding”, been exploring what might be called „the Polish identity”, both historical and contemporary, find here the stuff of the dilemma to which he has kept returning, the dilemma of heroism, loyalty, rebellion?

The answer seems to be that, in a different key and in a universe of totally different contours, Wajda has nevertheless done what he has always done, most recently in „The Wedding” and in his theatre productions of Dostoevsky’s „The Possessed” and Stanisław Wyspiański’s „A November Night”: probed certain major and undying schemes of values, historical, social and spiritual, catching them at just the point they are about to simmer over. In this case he has tackled a system of values, indeed a whole mythology, whose shape and appearance, logic and morality, are governed by money.

Bolesław Michalek

Władysław Reymont (1868—1925) est un écrivain connu et inconnu à la fois. Connu pour ce qu’il y a cinquante ans, le prix Nobel vint couronner son épopée rurale „Les Paysans” ce qui le plaça parmi les écrivains scandinaves et russes. Un drame de la nature, une philosophie de la terre, une transcription poétique de la dure, mais magnifique en soi, existence paysanne, le sens de son rythme infini du changement des saisons, des naissances et des morts — voilà avec quoi on allait pour toujours identifier l’écrivain et sa prose généreuse.

Mais il y a le Reymont inconnu, ou moins connu: dans les dix dernières années du XIXe siècle, avant qu’il ne compose son monumental cycle campagnard, Reymont écrivit un roman plutôt inhabituel dans la littérature polonaise et controversé jusqu’à aujourd’hui; il s’agit de la „Terre promise” (1897—98). Le sujet en était Łódź, à la fin du XIXe siècle, cette ville connaissait alors une période fiévreuse de son développement, une période de magnificence et de folie due à l’explosion brusque de la nouvelle civilisation industrielle où se cristallisaient en toute intransigeance et en pleine dramatique les nouvelles lois capitalistes; point de rencontre des différents et nombreux aspects de l’histoire sociale polonaise, de sa civilisation, de sa spiritualité, se croisaient les destins des paysans polonais, ceux des propriétaires terriens ruinés, et des hommes d’affaires. De ce tourbillon tournant à une vitesse folle, allait sortir un nouveau système social et psychologique, une nouvelle ligne de partage: les prolétaires et les capitalistes.

Reymont ne fut pas seulement le chroniqueur de ce phénomène peu commun bien que sa description contienne une somme imposante d’informations sur ce monde en voie de transformation. Comme Balzac et Zola, comme Dickens et Dostoïevski, dans la „Terre promise”, Reymont a donné une vision convulsive, apocalyptique, un poème sur la ville-polype, ville-Moloch: en cette fin du XIXe siècle, il montra Łódź en tant que pandémonium contemporain. A un certain endroit, il écrivit: „Tapie qu’elle était dans les ombres, la ville adhéra au sol comme un polype avec ses tentacules de fabriques et un lointain (...) soleil électrique veillait sur le Moloch ensommeillé”.

La „Terre promise” de Reymont est une terre ébranlée par les explosions souterraines, magnifique mais cruelle et de mauvais augure.

Il semble que ce n’est pas sans hésitation qu’Andrzej Wajda se soit attaché à cet inhabituel document littéraire.

D’une part il a dû être frappé par la vision apocalyptique de la ville en transes: la dureté, la sauvagerie des personnages intervenant dans ce pandémonium — surtout les trois héros principaux — des hommes forts, intransigeants, écrasant tous les obstacles qui se sont liés, on ne sait trop comment, d’amitié, d’une amitié désintéressée. Wajda a dû être frappé par le décor particulier de ce monde: saleté, misère, souffrance dans toute sa laideur camelote de nouveau riche, richesse dépourvue de style, un tableau qui tient de la crôte et entre l’un et l’autre — le vide, l’absence de culture. Mais d’autre part pourtant, Andrzej Wajda qui, depuis „Canal”, „Cendre et diamant” jusqu’aux „Les Noces” a étudié dans tous ses films ce phénomène de „polonité” à la fois historique et contemporain — a-t-il trouvé ici matière à ses dilemmes auxquels il revient toujours, ceux de l’héroïsme, et de la loyauté, de la révolte?

Il semble que Wajda nous i par une réalité toute différente, se trouvant face à des préoccupations esthétiques qui n’étaient pas jusqu’ici les siennes — fait pourtant ce qu’il a toujours fait, ce qu’il a montré dernièrement dans „Les Noces” et au théâtre dans la mise en scène des „Possédés” de Dostoïevski et la „Nuit de novembre” de Stanisław Wyspiański. Il éclaire certains grands toujours vivants, systèmes des valeurs; valeurs historiques, sociales, spirituelles. Il les étudie comme en leur point culminant d’ébullition. Cette fois il se mesure avec un système de valeur, mieux, avec toute la mythologie dont la forme et l’aspect, la logique et la moralité sont définis par l’argent.

Bolesław Michalek

LA TERRE DE LA GRANDE PROMESSE

LAND OF PROMISE

ЗЕМ

ЛЯ

обетованная